

ПОД СВОДОМ НЕБЕСНЫМ.

Калмыцкий народ не богат праздниками. Их всего в году три. Но зато у нас такой праздник, какого едва ли найдется у других народов. И калмыки умеют вкусом его проводить. „Ова“ – самый любимый мой праздник. Праздник весны, всенародная шествия, видимо, пережиток какого-то старинного, древне-языческого праздника. При чем, каждая станица празднует это со своими вариациями. Например, на „Ова“ Платовской станицы не допускались женщины, а собирались исключительно мужчины, делали на избранный всей станицей курган бутылки с кой и кумысом, пестрые шерстяные веревки, приводили белую корову и, посвящая ее небу, обкуривали ее ладоню, потом устраивали скачку, борьбу и тем дело кончалось. Оучне чем где-либо празднуется этот праздник моей родной станицей. Станицей Вокшоргаинской, самой богатой и самой культурной станицей в Сальском округе, – как любят говорить некоторые мои станичники.

Наш „Ованный“ курган – небольшой, но расположен как раз при дороге между самой станицей и самым большим хутором Воглаем, почти на одинаком расстоянии от обеих, на ровной, как стол, обширной сенокосной степи. До этого таким курганом был „Темни толга“ – Вербляхий курган. Но с тех пор, как однажды забрался на этот курган верблюд, он потерял свое значение и название „Ован“, а стал называться „Вербляхий“. Верблюд не зря забирается на курган, он этим возвещает несчастье станице или всему народу, а на кургане, с которого получена примета о несчастье, не может быть справляем праздник. Поэтому выбор Мамы и всей станицы пал на внешний маленький, аккуратненький курган.

В этот день, с самого раннего утра, со всех концов, со всех хуторов, по узеньким степным дорожкам, густо заросшим мелкой дорожной травой, катятся этому кургану повозки всех видов и размеров: без числа тачанки, много фаэтов, больше всего бланшард, лишь изредка брички. С'езжаются кавальяды верховой молодежи. Всюду веселые, радостные лица, разряженные фигуры, дорогие ни, богатые наборы... Только тут начинаешь, бывало, чувствовать, как богато и вет наша станица. Приезжие располагаются пятью большими лагерьями – по числу хуторов – на почетнейшем расстоянии вокруг кургана. Каждый хутор раскидывает большой шатер, палатку, с зубчатой красной каймой по краям. Сидят они ситая вся хуторская праздничная трапеза: туша баранины, ящики с пряниками, конфетами, самаром, лимонами, курагой, ставится громадный самовар, для любителей тут варится калмыцкий чай, раскрываются мешки с сумками и хлебцами... Хутор состязается с хутором в богатстве и обилии угощений. Из лагеря в лагерь тянутся гости, везде радостные встречи давно не видавшихся друзей, тут там завлаиваются среди молодежи новые знакомства, женихи выглядят себе извест среди робких и стесливых девиц, которые все же не упускают случая, чтобы бросить на милосидного парня кроткий, но внимательный взгляд. Но до приезда Мамы-Архирейа нигде и никто не дотронется до еды. По дороге к хутору, на расстоянии версты друг от друга расставлены верховые кавальяды, что каждый хутор своевременно мог узнать о шествии Мамы из своего дворца и не опоздать выслать ему навстречу почетный эскорт.

Наш покойный Мама тоже любил этот праздник в степи, праздник не богатый угощительными религиозными церемониями, свободный и непринудительный. Весной на свои пожилые годы, он всегда приезжал на этот праздник верхом, на скворе и тонко убранной и хорошо выезженной буланой лошади. Одетый в парчевую сценную одежду тибетских лам, в желтой остроголоной шапке-треуголке... в блестящей свите Мамы сам был в этот день как Бог – „Джиги тенгир“.

Крпотно грезщее апрельское солнце, щедро льющее тепло и свет, высокое синее небо, кое-где усеянное громадами белых облаков, ликующая природа степи ее тремя заворонков и пестрой волной пахучих трав, всегда радостно и возбуждающе действует на всех и даже Мама не удерживается от нахлыва хороших

настроения. Он ласково шутит с окружающими, вспоминая свою молодость и молодцевато, по степняковски выпрямившись на седле, дает коню набуки и, разведя желтыми фалдами, пускается вскачь. А свите только того и надо. С веселым разговором, подзадоривая друг друга, с трудом удерживая горячих скакунов, чтобы не опередить Ламу, пускаются все волею за ним. Не успевают казальбада Ламы от ехать от Курула и дух верет, как уже ичится назогречу ему станичный атаман с свитой из своих помощников и хуторских атаманов и писарей. Они с обозанными головами проскакивают мимо Ламы и присоединяются к его эскорту, а там скачет уже новая группа встречавших, еще новая партия верхом, которые пожелали присоединиться в свите Ламы.

С оживленным и сияющим радостью лицом бодро приближается Лама к табору в сопровождении своей блестящей и пестрой свиты, по традиции слева направо об'езжает курган и слезает. С этой минуты лицо его делается строгим, он уже опять почувствовал себя высокочтимым духовным главой своего народа.

А на кургане уже сложен из свежесжженного дуба маленький земляной будочка, в которой выведено писаное изображение покровителя сегодняшнего праздника, хозяин земли „Цаган Арга“, лицом и станом несколько похожий на христианского Николая Угодника. Перед будочкой расположены многочисленные бутылки и „берве“ с шумом, которое означает, что народ не забыл покровительства „Цаган Арга“ и знает, кому он обязан своим обильем и благополучием. Вся будочка густо опоясана пестрыми шерстяными плетением.

Лама садится на приготовленный трон-пире на северной стороне кургана лицом на восток, за ним и по бокам располагаются свещенники и начинается традиционное краткое богослужение. Мирные чинно и густо садятся прямо на траву вокруг кургана и в тысячной толпе воцаряется мертвая тишина. Когда молитва окончена и все, толпясь и давясь, удостоились благословения Ламы, хутора начинают приносить на освящение и благословение свои трапезы.

Морщинистое худое лицо с мущими блестящими глазами опять делается серьезным, он снова усаживается на свое место и опять начинает процедуру освящения. Но вот трапеза освящена, сам он берет поднесенную чашку чая, откусывает сухню, делает два-три глотка, пробует кусочек баранины и начинает угощать своих ближайших священников и стариков из своих рук. Тому он протягивает кусок баранины, другому яблоко, третьему апельсин, то крендель, конфет, бывает и дети получают от него конфеты. Все обеими руками радостно принимают дар, как особое благоволение и все благоговейно по крошечке и кусочку делаются с родными и друзьями даром из рук самого Ламы, кусочки от него они повезут домой, для оставшихся там, чтобы и они через эти крошки приобщились к освященной трапезе святого Ламы.

Между тем услужливые молодые люди и хуторские манджики начинают разливать чай, разносить мясо, крендели, пряники всем сидящим. Начинается всеобщее оживление, шутки, смех. Хутор угощает хутор, идут целыми компаниями на палатки в палатку. Везде всего довольны! Этот день никто не должен быть обижен или обойден, чтобы не разгневать Бога скупостью за щедрые дары Его. Хорош этот праздник еще и тем, что он абсолютно трезв.

Когда трапеза подходит к концу Лама разрешает начинать праздничное веселье, приступить к части забавы и зрелищ. Какая-нибудь озорливая бабушка, в свое время прославленная балалаечница, с веселым смехом берет большую, с длинной шей и всего с четырьмя ладами балалайку с двумя жильными струнами и начинает наигрывать какой-нибудь давно забытый, старинный мотив танца. По глаза стариков оживляются, под одобрительный смех встает какой-нибудь седой дед и начинает танец своего времени. Дальний танец с течением времени, сообразно духом времени, меняется в темпе и даже в фигурах. Танец нашего времени резко отличается от танца наших дедов.

В старину танцевали медленно, плавно, самые лучшие танцоры в качестве замысловатого номера, одновременно с работой ног ухитрялись в так музыки шесто-

лечь лопатками. Соль старинного танца – покой и грация. Соль танца наш времени, с его быстрой дрожью всего тела, с его резкими движениями, скользя энергичными щелчками каблуков, с прищепью колен от ропска или казачка – смелости, силе и бравоности. Если старинный танцор с его, как по струнке, горизонтально вытянутыми руками и чуть заметными грациозными движениями ног и ла представляет собой замершего в облаках сокола, то танцор наших дней, радостно трясающийся под быстрое лопотание современного мотива, с его резкими шагами, крутыми и неожиданными поворотами, с его разными коленями от каго танцора представляет собой сокола в борьбе, торжествующего победу или предсмертной агонии...

Но вот старик кончает и под гул одобрения передает танец старухе своей, а там быстро, глотая слова, уже лепечет мотив для молодежи и какой-нибудь молодой танцор трясется перед молодой балалаечницей. В это же время лунный певец станицы держит в руке чашку из орехового дерева, наполненную мукой и затягивает спокойную степную песню. К нему дружно присоединяется еще льется по степи убавливающая мелодия старинной казачьей песни. В ней и ворится как прекрасно ранним утром взойти на гору Алтая и как жеребею весь чудный Восточный мир с подоблачных вершин его...

Первая чашка, в положенном месте песни, коленопрямленно подносится разоганному и взволнованному картинками стариния Мамаи, который, отпив немного, передает чашку наместарейшему из вблизи сидящих.

Вслед за этим выываются борцы и каждый кутор из молодежи и сильных с граждан выводит на сцену своего борца. Борцы выходят нагиши, повывше колени засучив черные нансовые жаровары, туго подпоясанные синими прочными шерстяными кучаками. Каждый кутор волнуется за своего борца, местный, куторской патристизм напряжен до последних пределов. Вот эльютяница вывели рослого, мучнистого парня, назывтого черным бешкетом, чтобы противники не узнал – кто это и не отступил. На встречу ему из противоположной стороны, кутор Дунды синий выводит своего борца, высокого, сухого и жилистого парня. Но тому, как побледнел контури и ободрающе крикнул вдогон борцу: „Не робей!.. Не посрами славу отца!“... все догадываются, что это быстро завоевывающий славу молодой борец, сокор Монтя.

– Ну, назвался какой-то несчастный на Монтя, своим потом не упадет, – горько и сейчас же слышу возле себя реплику:

– Не хвастайтесь вами Монтя, наш Дарма тоже не из слабых, будет крепкий хвост вашему Монтя...

Смотрю, рядом со мной стоит стройная, симулоидная красавица девушка, еще более прекрасная в своем возбуждении от куторского патристизма. Распята лотом синего бармата „джалак“, с золотой височей писточкой, нервно мнет она в руке, под аккуратно сидящей сини: шелковой бешкетом эле заметно вздыма туго придавленная к телу перевязанная грудь. Мончики лановых тубель, чуть выглядывающих из под длинной поля бешкета, можно вдрагивают.

Я, забыв про борцов, невольно залобовался своей соседкой. Ей было лет 18.

– Что, Дарма – ваш брат или родственник? – спросил я, чтобы еще услышать голос.

– Нет, он наш сосед.

– И вы так волнуетесь из за соседа?

– А вы же горчитесь за своего „сокора“?

– Монтя не мой куторец, я его даже не знал.

– Ну так ободрайте нашего борца, у вас в куторе все так же слабо, вероятно что нет борца?...

— Нет, от нас будет наш Оля, за него нечего гордиться, он все равно непобедимый.

— А почему вы не борец, вы такой здоровый на вид?

— Мне неудобно, я же учитель...

Красавица ничего не ответила и стала следить за борцами. Из хутора, куда и с трудом, победил Монту. Только тут она не удержалась и воскликнула: „Вот говорила я, что ваш Монта крысиный хвост получит!“ Потом она сдвинулась, отступила в сторону и скрылась в толпе. Я не следил за ней. Я знал, что она соседка Дарыя, а Дарья живет в хуторе Эльмоте. Значит, осенью, когда после полевых работ начинаются в хуторах частые вечеринки, я могу познакомиться за десятки верст туда на вечеринку и поближе познакомиться с ней.

Борьба еще не была закончена, а отащивший отараки выжилинул владельцев скаковых лошадей и начал их строить в длинный ряд. Тут были и давно прославленные станичные скакуны, не раз бравшие призы, как Манциновская ворона, Учюра Сокунева знаменитый рыжий, Цеденова каравый, Монкирева гнедой, но были и несколько толпых, ноных скакунов, силу и резвость которых точно никто не знал, но про которых ходили всякие страшные слухи.

Ездоки, большей частью молодые ребята, на калмыцких содрах без подушек, в одних рубашках с засученными рукавами, без головного убора, но крепко подпоясанные кушаками, с плетью в руках, оглядываясь на атамана, чтобы по первому его знаку давануть коня и вырвать старт. Скачка была назначена на двенадцать верст, нужно было по степи скакать в направлении „Тамги толга“, об'ехать его и вернуться обратно.

Когда все желающие участвовать в скачке выстроились, атаман, высокий седой старик, с пылаватыми усами, с рыжим, не калмыцким цветом лица, в длинном кундыре с блестящими ассесорскими погонами поднял руку и с криком „помел“ опустил ее.

Одновременно шаркнули десятки шепселой, звякнули стремена, кони на миг, как будто сгрудились и, выжирая испугали конья земли, ринулись вперед. В этот момент вырвался в голову и бешено повел скачку Замба на своем рыжем. За ним размашисто, точно усталая, потянулась Манциновская ворона, а остальные пошли кучей и, через минуту—две лошади скрылись за холм и исчезли с горизонта.

До возвращения лошадей успели пропустить еще две пары борцов, вывазавших шумные возгласы и волнения; Лама успел произнести краткую проповедь и грекат Миряк, делавших или по неосознанию, произнес горячую проповедь в пользу воздержания от спиртных напитков, затеивающих разум и вводящих человека в настоящие грехи, говорил о вреде курения и т.д.

Скачка между тем показалась обратно и все гурьбой кинулись навстречу скакунам и образовали длинный ледовой корридор, по которому до самого подножья кургана должны были пройти скакавшие лошади. Все кричали, шумели стараясь угадать впереди идущую лошадь, особенно болновались владельцы лошадей, и шлодило, что каждый угадывал в передней лошади свое. Наконец, лошади приблизились и уже все угадали ворону кобылицу Манциновскую. Бесадик, молодой парень, едва держался на седле от усталости и уже почти не правил, но бывалая ворона, уже действительно усталыми бросками шла впереди, за ней, с каждым шагом приближаясь к ней, финишировал могучими вымазками рыжий Учюра Сокунева и неутомимый ездок Замба клестал коня тонкой плетью.

Раздались крики „Ура! Ура!“; рыжий сделал последние усилия и в двух десятках саженой от кургана обошел ворону. Все кругом загомонило и заговорило. Спешно ссадив ездоков с седла, первую, вторую и третью лошадь подвели к Ламе, на победителя посадили молодого манджика, который звонким, приятным голосом пропел хвалу драгоценной лошади и Лама, как приз дал приедному перья Замбе золотой пятирублевик, а второму и третьему по серебряному рублю и платку.

В калмыцких скачках не приз является целью, а слава, которая падает на призера, слух про эту лошадь пройдет по всем калмыцким станицам: и цена такой ло

мади много раз превосходит цену обыкновенной лошади, а владелец делается предметом зависти.

Шло уже далеко за полдень. Праздник приходил к концу, большинство публики бродило уже по рядам лавок, в стороне от стана разбивших свои палатки и бойко торгующих всевыми елостями, лентами, позументами, кольцами и серьгами. Раскупоривая бутылку за бутылкой живо торговал приезжий квасовар; расторгнув все ящики с апельсинами и яблоками почесывал затылок и досадовал друг торговцев, что не рассчитал рынок. Все торговцы были русские, армяне или черкесы.

Но вот потянулись по дороге первые подводы, покидал праздничное поле вслед за каретой Мамы, запряженной чудной тройкой буланых коней. Еще час и живописное поле опустело. Только приметая на целую версту вокруг кургана трава, след коней, да зеленая будка на кургане обитая пестрой веревкой оказали бы малышу, что здесь только что было празднество „Ова“.

Мое знакомство со смуглой красавицей состоялось гораздо раньше осени. Узнал я, что я по душе ей, а она мне. Родители наши примирились и соглашались и в следующем „Ова“ мы были молодой, только что поженившейся, парой и среди тысячи людей моих станичных, по обыкновению собравшихся на праздник весели, я видел только свою черноглазую Бандакру.

Handwritten notes in the right margin, partially obscured by the page edge.

Handwritten text in the bottom section of the page, consisting of several columns of cursive script.